

«Ум, окунающий перо
в чернила мысли»:
к вопросу о переводе
на русский язык
термина *potenza* и о его
значении в онтологии
Джорджо Агамбена*

Дарья Фарафонова

Дарья Фарафонова. Университет Мачераты (UniMc), Италия, daria.farafonova@unimc.it.

В настоящей работе предпринимается попытка исследовать некоторые ключевые импликации термина потенция (*potenza*) в динамике мысли Джорджо Агамбена. Понятие потенции занимает уникальное место в мыслительной стратегии Агамбена: для него она становится способом мышления собственного философствования, одновременно с ним совпадая. Иными словами, посредством теоретического освоения этой категории Агамбен перформативно исполняет то, к чему устремлены усилия его мысли, а именно — возвращение мысли на территорию *потенции*, определяющей, как он показывает вслед за Аристотелем, Альбертом Великим и Аверроэсом, ее подлинную сущность. Именно поэтому представляется важным не только рассмотреть спектр значений, на которые со временем в западной мысли распалось содержание этого понятия (в этом смысле русский язык более или менее отражает ситуацию с его современным бытованием в других европейских языках): «возможность», «мощь», «сила», «могущество», «способность»... Отталкиваясь от анализа трудностей перевода, связанных с исходным семантическим богатством этого понятия, утраченным его эквивалентами в современных языках, мы восходим к самой проблематичности *пмыслить* природу потенции, что составляет одну из ключевых интенций философствования Агамбена — философствования, сердце которого, как аргументируется в статье, отчасти определено перформативным стремлением явить собой мышление в модусе потенции.

Ключевые слова: *Джорджо Агамбен; потенция; действие; мысль; вероятность; реальное.*

В ЭССЕ «Бартлби, или О контингентности» (*Bartleby o della contingenza*, 1993) Джорджо Агамбен рассматривает философские импликации формулы мелвиллского писца Бартлби «Я предпочел бы не» (*I would prefer not to*), возводя ее к идее чистой потенции. В своем рассуждении он отталкивается от удивительного образа «писца природы, который окунает перо в чернила мысли», закрепившегося за Аристотелем в последующей традиции толкования его мысли, от Кассиодора до Гельдерлина. Традиция, однако, как указывает Агамбен, имеет свои истоки в трактате «О душе». Речь идет о пассаже 430а, где Аристотель сравнивает *nous*, интеллект или мысль «в потенции», с дощечкой для письма, на которой еще ничего не написано:

В потенции ум некоторым образом есть то, что он мыслит; в действительности же нет, пока мысль не мыслит его. Здесь должно быть так, как на дощечке для письма, на которой в действительности еще ничего не написано; таков же и ум¹.

Этот загадочный образ развивает Альберт Великий: то, что не перестает выписывать себя на *tabula rasa* интеллекта, не есть реальность, но сама потенция мысли, обращенной на самое себя, когда чистое восприятие ощущает собственную невосприимчивость — «будто буквы сами себя выписывают на дощечке»².

В этой и в других своих работах, посвященных категории потенции, одной из центральных в его онтологии, Агамбен осуществляет то, что можно определить как аксиологический переворот аристотелевского противопоставления *energeia-dynamis*. Точнее, он выявляет модус той самой «потенции-не», которая подспудно направляет мысль греческого философа, раскрывая заложенные в ней возможности развития. Именно поэтому редуцирующее прочтение соотношения потенции и акта у Аристотеля в пользу утвержде-

---

* Все приведенные в настоящей работе цитаты переведены мною, за исключением случаев использования существующих переводов, что всегда указывается отдельно. — Д. Ф.

1. Аристотель. О душе / Пер. с др.-греч. П. С. Попова. М.: РИПОЛ классик, 2020. С. 195. Перевод изменен.

2. Цит. по: Agamben G. Bartleby o della contingenza // Deleuze G., Agamben G. Bartleby. La formula della creazione / S. Verdicchio (tr.). Macerata: Quodlibet, 2012. P. 61.

ния примата акта над потенцией³ в таком ракурсе оказывается лишь одной из многочисленных граней смысла в поле напряжения, созданном противопоставлением между действием и его потенциальностью, между «реальным» и «возможным».

Категория потенции рассматривается Агамбеном в полноте ее исходных значений, от уяснения которой он призывает не отступать при толкованиях и переводах: термин зачастую разлагается на ряд контекстуальных значений (что порой неизбежно при переводе, если придерживаться норм, определяющих систему языка в его настоящем состоянии); но стоит попытаться вернуть ему его исходную многозначность.

Излюбленное Агамбеном и часто приводимое им высказывание Витгенштейна о том, что терминология составляет поэтический момент мысли, а в основе философского размышления, по сути, лежит спор о значении слов, подтверждает археологическую природу его изысканий, всегда отталкивающихся от скрупулезного изучения содержания понятий, их трансформации в истории и подспудного влияния этих развитий на образ мышления, определяющий ту или иную эпоху, иными словами — на эпистему. Так, все его исследования, где фигурирует категория *потенции*, можно определить как попытку подступить к сути этого понятия, вместе с тем сделав его своего рода нервом и модусом развития собственной мысли.

В этом плане понятие потенции занимает уникальное место в мыслительной стратегии Агамбена: для него она становится способом мышления собственного философствования, одновременно с ним совпадая. Иными словами, посредством теоретического освоения этой категории Агамбен перформативно исполняет то, к чему устремлены усилия его мысли, а именно — возвращение мысли на территорию *потенции*, определяющей, как он показывает вслед за Аристотелем, Альбертом Великим и Аверроэсом, ее подлинную сущность.

Именно поэтому представляется важным не только рассмотреть спектр значений, на которые со временем в западной мысли распалось содержание этого понятия (в этом смысле русский язык более или менее отражает ситуацию с его современным бытованием в других европейских язы-

---

3. Основанное, впрочем, на конкретных изводах его мысли: см., например: *Аристотель*. Метафизика. М. — Л.: Соцэкгиз, 1934. С. 157, 158, 1049b и 1050b.

ках): «возможность», «мощь», «сила», «могущество», «способность»... Притом показательно, что в современном итальянском языке, сохранившем наиболее тесную связь с латынью — как на лексическом, так и на семантическом уровне, — слово *potenza* означает также «державу», то есть государство, обладающее мощным потенциалом в экономическом, военном и иных планах, что может, например, дать ключ к пониманию некоторых изводов международной политической риторики, истоками своими уходящей в присущее политическому мышлению Нового времени установление эквивалентности между потенцией и действием. С другой стороны, можно заметить, что русское слово «держава», семантически связанное с греческим *kratos*, содержит в себе этимон «держания», понимаемого как «имение», «владение» — то есть, можно рискнуть предположить, того самого *hexis*, которое определяет потенцию как нечто существующее.

Также представляется необходимым уяснить, какое место занимает это понятие в развитии агамбеновской онтологии. Эта задача слишком обширна; мы же ограничимся попыткой осветить некоторые из узловых моментов мысли философа в обращении к этой категории, обосновывая необходимость единого ее перевода как «потенция»⁴: это служит восстановлению термина во всем его изначальном семантическом богатстве — вплоть до нарушения привычных автоматизмов языка перевода. Сложность этой задачи отчасти обусловлена и тем, что сам Агамбен часто использует слово «возможность» как синоним потенции, иногда же, напротив, подчеркивает редуцирующее его значение. Здесь терминологическая точность в переводе будет определена стремлением восстановить на ином языке исходную экономику смысла и формы, обуславливающую то или иное употребление в оригинале.

* * *

В модальной онтологии Агамбена вопрос о природе потенции в контексте попытки подступиться к разгадке того, что есть реальное, играет фундаментальную роль:

---

4. Сложнее обстоит дело с производным от него прилагательным *potente*, которое в рамках терминологической строгости представляется целесообразным переводить не контекстуально («мощный», «способный» и проч.), а как «наделенный потенцией».

По каким законам происходит переход из возможного в реальное? И если существует нечто подобное возможности или потенции, — что именно внутри или вне ее предрасполагает ее к существованию?⁵

Эссе о Бартлби составляет своего рода концептуальный диптих с работой о «Потенции мысли»⁶ (1987): в нем иллюстрируются и конкретизируются многие заявленные в этом раннем труде положения, в том числе в аспекте исторического развертывания философской рефлексии о сущностно потенциальной природе мысли. Вместе с тем здесь — как и в других работах о сущности потенции — не порывается связь с намерением исследовать, каким образом осмысление этой категории позволяет приблизиться к пониманию того, что есть реальность.

В книге «Что реально? Исчезновение Майораны» (*Che cos'è reale? La scomparsa di Majorana*, 2016) Агамбен исследует предельные значения понятия потенции в его применении к осмыслению загадочного и до сих пор не проясненного исчезновения видного итальянского физика Этторе Майораны 25 марта 1938 года.

Согласно Леонардо Шаше, автору ставшей классической книги, посвященной расследованию этого происшествия (1975)⁷, решение знаменитого ученого оставить физику и попросту исчезнуть «в никуда», не оставив никаких следов, было связано с осознанием опасности, которую несли в себе разработки Энрико Ферми (к кругу которого он принадлежал), открывавшие перспективу создания атомной бомбы. Агамбен опровергает эту гипотезу, опираясь на опубликованную посмертно работу Майораны «Значение статистических законов в физике и в социальных науках», в которой постулируется, что удел реальности в квантовой физике — «растворение в вероятности». Агамбен показывает, что своим бесследным исчезновением знаменитый физик своей собственной судьбой дал ответ на вопрос о двойственном статусе реальности в вероятностной вселенной современной физики, произведя таким образом событие «одно временно абсолютно реальное и абсолютно невероятное»⁸.

---

5. Там же. С. 56.

6. Перевод «Потенции мысли» см. в этом номере *Versus: Агамбен Дж. Потенция мысли*//*Versus*. 2023. № 2. С. 6–23.

7. *Sciascia L. La scomparsa di Majorana*. Torino: Einaudi, 1975.

8. *Agamben G. Che cos'è reale? La scomparsa di Majorana*. Vicenza: Neri Pozza, 2016. P. 53. Можно сказать, этим жестом великий физик из своего собственно-

По мысли Майораны, когда мы допускаем, что реальное состояние наблюдаемой системы само по себе непознаваемо, в дело вступают статистические модели, которые могут лишь подменить собой реальность:

Поэтому любой результат измерений, по видимости, скорее относится к состоянию, в которое система приводится посредством наблюдательного эксперимента, а не к тому непознаваемому состоянию, в котором она находилась до этого вмешательства⁹.

Если, согласно убеждению, на котором зиждется квантовая механика, реальность должна раствориться в противопоставленной ей вероятности (при этом «реально» существующей), то «исчезновение — единственный способ, которым реальное может безапелляционно утвердиться как таковое, уклоняясь от определенности расчета»¹⁰, заключает Агамбен. Но правомерно ли представлять вероятное как нечто существующее? На кону здесь — сама онтология вероятного либо возможного, ведь «вероятность есть не что иное, как оцененная определенным образом возможность»¹¹.

Здесь Агамбен, вслед за Симоной Вейль¹², ставит под сомнение одну из центральных посылок, на которых покоится квантовая физика, представляя исчезновение Майораны как символ радикального сомнения в постулате о растворении реального в вероятном. Жест физика рассматривается как перевертывание привычного (в том числе лежащего в основе волновой механики) соотношения между вероятным и реальным, ибо это событие в своей сущности «предельно невероятно» и в то же время «предельно реально»¹³.

На глубинное смысловое родство между аристотелевской потенцией и категорией вероятности указывали основатели квантовой физики Нильс Бор и Вернер Гейзенберг.

го существования сделал матерью для детектива с борхесовским сюжетом, в котором самое фантастическое и невероятное вплетается в сердце реальности как его исходное основание.

9. Цит. по: *Ibid.* P. 52.

10. *Ibidem.*

11. *Ibid.* P. 35–36.

12. См.: *Weil S. Sur la science.* P.: Gallimard, 1966.

13. Это парадоксальное заключение также соотносится с формулой-оксюморонам, посредством которой Федор Достоевский определял собственный художественный метод. «Фантастический реализм» как «высшая форма реализма» обнажает жизнь, преодолевающую любой принцип правдоподобия, то есть вероятности, что всегда есть категория оценивающего рассудка.

Волна вероятности Бора означает устремление, тенденцию к чему-то: по замечанию Гейзенберга, речь здесь идет не о чем ином, как о количественной версии понятия «потенции» в философии Аристотеля¹⁴. Рассуждая об атомных феноменах в контексте кантовской «вещи в себе», Гейзенберг отмечает, что таковые феномены могут быть описаны в рамках объективных процессов, имеющих определенное время и место в пространстве; «тут же мы имеем дело с ситуациями наблюдения»: а «математические символы, которыми мы их описываем, представляют собой скорее не факты, а возможности»¹⁵. Понятие вероятности, заключает физик, вводит нечто такое, что располагается посредине между идеей феномена и самим феноменом, — «особый вид физической реальности, находящийся на равном расстоянии между возможностью и реальностью»¹⁶.

Агамбен развивает свое рассуждение о близости *вероятности* категории *потенции* в схожих терминах, предостерегая против подмены вероятностным реального, понятого как его противоположность:

Если мы попытаемся определить вероятность в терминах Аристотеля, можно сказать, что она является потенцией, освободившейся от иерархического подчинения акту. Поскольку таким образом было утверждено существование, независимое от действительного осуществления, подобная возможность стремится подменить собой реальность и таким образом стать объектом науки случайного (для Аристотеля немислимой), которая рассматривает ее как таковую, то есть не как инструмент познания реальности, но как способ вмешаться в нее с целью ею управлять¹⁷.

В этом пассаже узнаваемы узловые точки агамбеновской критики современности, развиваемой им в серии *Homo sacer* и в работах, в которых характерное для Нового времени исчезновение политического измерения связывается с доминированием экономической модели, базирующейся на идее эффективного управления не *реальностью*, а подменившей ее совокупностью *вероятностей*.

---

14. Heisenberg W. *Fisica e filosofia*/G. Gnoli (tr.). Milano: Il Saggiatore, 2015. P. 148.

15. *Idem*. *Fisica e oltre. Incontri con i protagonisti 1920–1965*/M. e D. Paggi (tr.). Milano: Mondadori, 2010. P. 260.

16. *Ibidem*.

17. Agamben G. *Che cos'è reale? La scomparsa di Majorana*. P. 49–50.

Попытка помыслить потенцию не как «*оределенную*», то есть реально существующую вероятность, но как нечто такое, что определяется и собственной потенцией к не осуществленности: кажется, таков определяющий вектор мысли Агамбена. В определенном смысле это обратное движение: вернуть потенциальную природу реальному, которое реально постольку, поскольку исполнено потенциальности.

В главе «Возможное есть реальное» из книги «Нереализуемое. К политике онтологии» (2022), одной из своих последних работ, Агамбен, как говорит само название, задается целью снять надуманное, по его убеждению, противоречие между реальным и возможным, много веков направлявшее западное мышление. Уже в книге «Что такое философия», через анализ понятия требования (*esigenza*) как «предельной компликации бытия, заключающей в себе все его возможности»¹⁸ и потому превосходящей всякое возможное осуществление, он приходит к преодолению этой оппозиции. Здесь же он высвечивает конститутивную связь нововременного представления о потенции с аспектом темпоральности: потенция конфигурируется как нечто противопоставленное действительности именно в тот момент, когда в бытие вводится время¹⁹. В этой перспективе и *сущность* оказывается *существованием*, отгесненным в прошлое, и лишь благодаря этой операции схваченным и осмысленным.

То, что мы называем возможным, есть не что иное, как проекция реального в прошлое, точно так же, как и сущность не есть пред-суппозиция существования; но в обоих случаях ключевым в этом разделе является попытка понять бытие через время, постичь реальность как процесс де-реализации и реализации. Для понимания действия и существования нам необходимо переместить их в качестве возможности в прошлое; но эта возможность, или потенция, затем должна будет каким-то обра-

---

18. *Idem*. Che cos'è la filosofia? Macerata: Quodlibet, 2016. P. 55.

19. В частности, Жорж Диди-Юберман указывает на то, что Агамбен диалектизирует соотношение между потенцией и актом в противоположность Делёзу, который в некотором смысле подчиняет потенцию действию, когда говорит о том, что всякому выражению структурно присущ переход от мысли к действию, которое он определяет как «становление-действительным». См.: *Didi-Huberman G. L'occhio della storia//Popoli in lacrime, popoli in armi/R. Voccali (tr.). Milano; Udine: Mimesis, 2020. Vol. 6. P. 65.*

зом вновь переведена в существование и в действии²⁰.

Совершаемое Агамбеном мыслительное усилие, обосновывающее подлинную сопринадлежность и совечность реального и возможного, упраздняет вопрос о том, что чему предшествует в онтологическом плане, выявляя его бессмысленность. Тогда как в рамках стандартного способа мыслить эту дихотомию, утверждает он вслед за Бергсоном, потенция, по сути, есть лишь «мираж настоящего в прошлом»²¹. Существует некий диспозитив, уловка сознания, которая отправляет потенцию в прошлое как предпосылку некоему существующему, ставшему таковым якобы благодаря этому, на самом деле иллюзорному, «пред-наличию» потенции:

Потенция и действие производятся одновременно, они изначально сопринадлежат друг другу, и ошибка состоит не столько в их различении, сколько в представлении о том, будто потенция предсуществует отдельно и что все дело в том, чтобы определить, каким образом артикулируется переход от нее к действию²².

Таким образом, в очередной раз исследование того, «что есть потенциальное», направлено на уточнение фундаментального вопроса: что такое реальное? Возможное и есть сердце реального, заключает Агамбен:

Потенция, безусловно, реальна; но она реальна не как нечто предшествующее действию, что должно в нем усовершенствоваться, но как прерывность и интерполяция действия, которое является ее составной частью и никогда не может быть от нее отделено²³.

Данте в трактате «О монархии» (*De Monarchia*, I, 3) определяет главную человеческую способность, отличающую его от других существ, как «возможный интеллект». Этот образ позволит нам приблизиться к пониманию природы потен-

---

20. Agamben G. *L'irrealizzabile. Per una politica dell'ontologia*. Milano: Einaudi, 2022. P. 69.

21. См.: Bergson H. *Il possibile e il reale*. Milano: AlboVersorio, 2014. P. 11.

22. Agamben G. *L'irrealizzabile. Per una politica dell'ontologia*. P. 70.

23. *Ibid.* P. 72.

ции мысли у Агамбена как самой сущности мысли: по убеждению Данте, по-новому использовавшему разработанное средневековыми философами понятие «возможного интеллекта», уникальность человека как живого существа обусловлена тем, что он не наделен функцией непрерывного мышления, что ему свойственно мышление дискретное, не носящее характера необходимости. Иными словами, способность к мышлению обусловлена структурно присущей ей способностью помыслить собственную бездеятельность или же быть бездеятельной, не переставая мыслить — подобно тому, как глаз не перестает видеть в условиях темноты. Эта тьма и есть цвет потенции (и именно в нее «окунает свое перо» интеллект), как утверждает в эссе «Потенция мысли».

Так, в сердце философии Аристотеля Агамбен угадывает твердое намерение восстановить потенцию в ее исходно определяющем для существования значении, вернуть человеческое бытие в лоно возможности. Он собственным философствованием и продолжает эту интенцию, считая ее задачей всякого поэтического и политического опыта.

Согласно его (Аристотеля) самой глубинной интенции, философия есть стойкое отвоевание потенции, выстраивание опыта *возможного* как такового. Не мысль, но потенция мыслить; не письмо, но чистый лист есть то, чего она любой ценой не хочет забыть. <...>

И тем не менее именно потенцию сложнее всего помыслить. Ибо если бы потенция всегда была потенцией делать нечто или быть чем-то, то мы бы никогда не смогли испытать ее как таковую — ибо, согласно тезису мегариков, она существовала бы лишь в осуществляющем ее действии. Опыт потенции как таковой возможен лишь в том случае, когда потенция являет собой также и потенцию *не* (делать или мыслить нечто), когда дощечка для письма *может не* быть исписана²⁴.

Так, наш экзистенциальный опыт в не меньшей мере определен тем, чего мы не прожили, чем мы не сделали и чего не испытали, чем тем, что мы расцениваем как сбывшееся и состоявшееся. «Частицы возможного», о которых пишет писатель Итало Кальвино, друг и соратник Агамбена, про-

---

24. *Agamben G. Bartleby o della contingenza.* P. 58-59.

низывают ткань реального, лишь на уровне видимости оказываясь с ним в состоянии диалектического напряжения:

Ты должен подняться на Небеса, Астольфо (ангелический Аркан *Страшный Суд* указывал на сверхчеловеческое вознесение), к бледным полям Луны, где в фиалах, составленных в бесконечные ряды (как на карте *Кубков*), хранятся истории, не прожитые людьми, мысли, однажды скользнувшие по краю сознания и исчезнувшие навсегда, частицы возможного, отброшенные в игре комбинаций, решения, к которым можно было прийти, но не суждено... (курсив автора. — Д. Ф.)²⁵.

«Чернила», в которые «ум погружает свое перо», являются метафорой темноты, из которой мысль черпает собственную материю: творение и ничто здесь совпадают. Иными словами, уникальным образом присущее человеку «созерцание собственной способности к действию», которая в момент этого созерцания полностью совпадает со способностью к не-действию, составляет шифр творения, согласно Агамбену, с наибольшей художественной напряженностью представленный в образе «не пишущего писца»:

Как писец, который прекратил писать, он становится предельной фигурой ничто как источника всякого творения и вместе с тем олицетворяет собой самое что ни на есть непримиримое отвоевание этого ничто как чистой, абсолютной потенции²⁶.

Всякое подлинное произведение искусства несет в себе след породившей его потенции (а значит, и потенции-не), которая сопровождает его, питая его ауру. Таким образом, потенция обретает ощутимость как раз через эту свою «недоосуществленность», характеризующую поистине творческий жест. Именно этот определяющий ее остаток запускает своего рода приостановку хронологической темпоральности, уступающей место времени, которое можно определить как мессианское. *Eschaton*, внутренне присущий произведению, которое в самом себе несет свой *telos*, свою цель, и к ней стремится в своей *dynamis*. Так, в динамике художе-

---

25. Кальвино И. Замок скрестившихся судеб // Собр. соч. Романы, рассказы: В 3 т. Т. 2. СПб.: Симпозиум, 2001.

26. Agamben G. Bartleby o della contingenza. P. 64.

ственного высказывания обнаруживается «внутренняя эсхатология»²⁷, благодаря которой не изъятая потенциальность становится потенциальностью конкретной, выражая и сохраняя себя в действии, не исчерпываясь в нем.

Библиография

- Агамбен Дж. Потенция мысли // *Versus*. 2023. № 2. С. 6–23.
- Аристотель. *Метафизика*. М. – Л.: Соцэкгиз, 1934.
- Аристотель. *О душе* / Пер. с др.-греч. П. С. Попова. М.: РИПОЛ классик, 2020.
- Кальвино И. *Замок скрестившихся судеб* // *Собр. соч. Романы, рассказы*: В 3 т. Т. 2. СПб.: Симпозиум, 2001.
- Agamben G. *Bartleby o della contingenza* // Deleuze G., Agamben G. *Bartleby. La formula della creazione* / S. Verdicchio (tr.). Macerata: Quodlibet, 2012. P. 45–89.
- Agamben G. *Che cos'è la filosofia?* Macerata: Quodlibet, 2016.
- Agamben G. *Che cos'è reale? La scomparsa di Majorana*. Vicenza: Neri Pozza, 2016.
- Agamben G. *Il tempo che resta. Un commento alla Lettera ai Romani*. Torino: Boringhieri, 2000.
- Agamben G. *L'irrealizzabile. Per una politica dell'ontologia*. Milano: Einaudi, 2022.
- Bergson H. *Il possibile e il reale*. Milano: AlboVersorio, 2014.
- Didi-Huberman G. *Popoli in lacrime, popoli in armi. L'occhio della storia*. Vol. 6 / R. Boccali (tr.). Milano; Udine: Mimesis, 2020.
- Heisenberg W. *Fisica e filosofia* / G. Gnoli (tr.). Milano: Il Saggiatore, 2015.
- Heisenberg W. *Fisica e oltre. Incontri con i protagonisti 1920–1965* / M. e D. Paggi (tr.). Milano: Mondadori, 2010.
- Sciascia L. *La scomparsa di Majorana*. Torino: Einaudi, 1975.
- Weil S. *Sur la science*. P.: Gallimard, 1966.

“The Mind Dipping the Pen in the Ink of Thought”: On the Russian Translation of the Term *Potenza* and Its Meaning in Giorgio Agamben’s Ontology

Daria Farafonova. University of Macerata (UniMc), Italy,
daria.farafonova@unimc.it.

This article aims to explore the significant implications of the term *potenza* in Giorgio Agamben’s thought. The concept of *potency* holds a unique place in Agamben’s thinking strategy: it serves as a way of thinking within his own philosophy while coinciding with it. Through the theoretical assimilation of this category, Agamben performatively fulfills the aim of his thought, which is the return of thought to the realm of potency. Drawing upon Aristotle, Albert the Great, and Averroes, Agamben establishes the true essence of potency. It is crucial to consider the range of meanings that the content of this concept disperses into over time in Western thought. The Russian language, in this regard, reflects the situation with its modern counterparts in other European languages, such as “possibility,” “power,” “strength,” and “capacity.” The article begins with an analysis of translation difficulties stemming from the original semantic richness of the concept,

---

27. *Idem*. *Il tempo che resta. Un commento alla Lettera ai Romani*. Torino: Boringhieri, 2000.

which tends to be lost in modern language equivalents. It then delves into the problematic nature of potency, a key focus in Agamben's philosophy. The article argues that the core of Agamben's philosophical exploration is partly determined by the performative striving to actualize thinking in the mode of potency.

Keywords: *Giorgio Agamben; potency; act; thought; probability; the real.*

DOI: 10.58186/2782-3660-2023-3-2-151-164

References

- Agamben G. Bartleby o della contingenza. Deleuze G., Agamben G. *Bartleby. La formula della creazione* (tr. S. Verdicchio), Macerata, Quodlibet, 2012, pp. 45-89.
- Agamben G. *Che cos'è la filosofia?*, Macerata, Quodlibet, 2016.
- Agamben G. *Che cos'è reale? La scomparsa di Majorana*, Vicenza, Neri Pozza, 2016.
- Agamben G. *Il tempo che resta. Un commento alla Lettera ai Romani*, Torino, Borin ghieri, 2000.
- Agamben G. *L'irrealizzabile. Per una politica dell'ontologia*, Milano, Einaudi, 2022.
- Agamben G. Potentsiya mysli [La potenza del pensiero]. *Versus*, 2023, no. 2, pp. 6-23.
- Aristotle. *Metafizika* [Metaphysics], Moscow; Leningrad, State Socio-Economic Publishing House, 1934.
- Aristotle. *O dushe* [On the Soul] (tr. P. S. Popov), Moscow, RIPOL klassik, 2020.
- Bergson H. *Il possibile e il reale*, Milano, AlboVersorio, 2014.
- Calvino I. Zamok skrestivshikhhsya sudeb [Il castello dei destini incrociati], *Sobr. soch. Romany, rasskazy: V 3 t.* [Collected Works. Novels, Stories: In 3 vols], vol. 2, Saint-Petersburg, Simpozium, 2001.
- Didi-Huberman G. *Popoli in lacrime, popoli in armi. L'occhio della storia*, vol. 6 (tr. R. Boccali), Milano; Udine, Mimesis, 2020.
- Heisenberg W. *Fisica e filosofia* (tr. G. Gnoli), Milano, Il Saggiatore, 2015.
- Heisenberg W. *Fisica e oltre. Incontri con i protagonisti 1920-1965* (tr. M. e D. Paggi), Milano, Mondadori, 2010.
- Sciascia L. *La scomparsa di Majorana*, Torino, Einaudi, 1975.
- Weil S. *Sur la science*, Paris, Gallimard, 1966.